

В воскресенье утром Гарри старался вести себя очень тихо, спускаясь по лестнице. В субботу утром он напугал миссис Фигг, когда она выходила из своей спальни в ночной рубашке, но без халата. Она не ожидала, что он встанет так рано. Он рассказал о своей привычке бегать (чувствуя себя немного виноватым, как будто это была привычка пить), и она недоверчиво посмотрела на него сквозь прорези глаз, как будто думала, что вся цель его раннего подъема заключалась в том, чтобы специально застать ее в ночной рубашке.

Вернувшись в воскресенье с пробежки и приняв душ, он отправился на кухню, чтобы приготовить себе завтрак. Накануне он просидел в ожидании за обеденным столом двадцать минут, прежде чем она толкнула распахнутую кухонную дверь и сказала, что еда не проследует в столовую и не попадет ему в рот. Он все еще привыкал к ее дому.

Ему удалось найти немного черствого хлеба для тостов и обнаружить масло, но ни джема, ни мармелада не было. Кремового цвета кошка сонно смотрела на него с верхушки холодильника, а черная кошка обвилась вокруг его ног, заставляя передвигаться с опаской: он постоянно боялся, что наступит на нее. Он сунул голову в холодильник, но там, похоже, не было фруктового сока, поэтому он наполнил чайник и поставил его на плиту, смирившись с тем, что ему придется пить чай, если он найдет, где она спрятала заварные пакетики.

"Что, по-твоему, ты делаешь?"

Гарри вскочил, захлопнув дверцу шкафа, который он открыл. В результате коллекция декоративных ложек на дверце сорвалась с маленьких гвоздиков и серебристой кучкой упала на прилавок. Его разбудил визгливый вопрос миссис Фигг. Черная кошка выскочила из комнаты, а кремового цвета кот выглядел взволнованным, хотя и оставался в позе сфинкса на холодильнике.

"Смотри, что ты наделал! О, не волнуйся об этом сейчас. Мы опоздаем в церковь. Что ты вообще искал?"

"Чай. Что ты имеешь в виду под церковью?"

"Он в жестяной банке на холодильнике". Гарри потребовалось мгновение, чтобы понять, что она имела в виду чай, а не церковь. "Знаете, - продолжила она, - то место в деревне с довольно высокой башней и колоколами, которые шумят все утро. Церковь. Я не хочу пропустить проповедь мистера Бэбкока. Я предложил ему тему: "Почему молодые люди считают, что правила к ним не относятся". Я настоятельно рекомендую вам обратить внимание. Позже я буду задавать вам вопросы".

Потянувшись за жестяной банкой с чаем, стоявшей рядом с кошкой, Гарри ненадолго задумался о том, какой текст Писания может быть использован для такой проповеди, но сказал ей: "Я не пойду с тобой в церковь". Он заглянул в жестянку с чаем. О черт, подумал он. Некачественный чай. Он скорчил гримасу и озадаченно огляделся по сторонам. Миссис Фигг вздохнула и протянула ему металлический шарик серебристого цвета с перфорацией по всему периметру. Он взял предложенный шарик и с помощью ложечки в жестянке из-под чая заполнил одну

половину шарика, открыв ее. По крайней мере, в моей чашке не будет чайных листьев, подумал он...

"Ты не придешь, да?" - угрожающе сказала она, как будто ее радовала перспектива поспорить с ним из-за этого.

"Нет. Я еду на Тисовую улицу, чтобы поработать в саду. Я обещала тете. Я не обещала идти в церковь". Гарри положил чайный шарик в старый коричневый заварочный чайник на стол для завтрака. Он сел читать принесенную им воскресную газету, ожидая ее следующего залпа.

"Понятно", - только и сказала она, и Гарри удивился, что в ее голосе прозвучала обида. Он посмотрел на нее через страницу газеты, которую держал перед своим лицом. Она выглядела растерянной и, как он понял, довольно старой. Сколько ей лет? спросил он. Ему вдруг стало очень стыдно. Возможно, ей просто хотелось побыть в компании, ходить в деревню на службу и обратно и не сидеть в одиночестве на своей скамье.

Но он отогнал это чувство. Если я пойду сегодня, подумал он, она будет ждать, что я буду делать это до конца лета. Лучше начать так, как мы собираемся продолжать.

Когда вода стала достаточно горячей, она наполнила чайник и достала из холодильника сливки. Черная кошка вернулась и с любовью потерлась о ее ногу, когда в руках у нее оказался кувшин со сливками; она отогнала ее. Гарри наблюдал за ней, но старался не подавать виду. Он был всего на шесть лет старше, чем в прошлый раз, когда он был в её доме; почему же всё так изменилось? Возможно, потому, что, будучи десятилетним, он не обладал такой же самостоятельностью, как почти шестнадцатилетний. Мне почти шестнадцать, подумал Гарри. Чуть больше чем через три недели. Он вдруг почувствовал себя очень счастливым от этого.

"Знаешь, - сказал он ей, намазывая тост маслом, - через три недели мне исполнится шестнадцать лет".

Она вскинула голову, широко раскрыв глаза, как будто что-то забыла.

"День рождения!" - вдруг сказала она. Гарри нахмурился. Что с ней такое?

"Да, мой день рождения..."

"Не подходи!"

"Что?" Он уставился на нее. Она не отходила от него, а он не двигался к ней. К чему она клонит?

"Из дома. Сегодня. Погуляйте в саду Петунии столько, сколько вам нужно. Не возвращайся раньше четырех часов".

Он нахмурил брови. "Почему?"

"Неважно!" - сердито сказала она, повышая голос. "Просто держись подальше!"

Это становится все более и более странным, подумал он. Ладно, я впущу себя в свой дом, когда закончу работу в саду. Я смогу смотреть телевизор или играть в игры на компьютере Дадли.

Компьютер Дадли.

Гарри скривился: нет, он не хотел заходить в комнату Дадли. Он много раз думал об этом, имея доступ ко всем замечательным игрушкам и гаджетам, которыми его тети и дядя одаривали своего сына, но не его. Насколько он знал, они ничего не меняли в комнате Дадли, и всё было так, как Гарри помнил. Но сейчас...

"Ты меня слышал?" - потребовала она, откидывая газету, скрывавшую его лицо. Он кивнул.

"Да, да. Я буду держаться подальше".

Когда они закончили с едой и уборкой, он помог ей наполнить кошачьи тарелки водой и кормом. Они вышли из дома вместе, идя в разные стороны. Он присвистнул, подходя к Тисовой улице; тети и дяди (и Дюнкерка) в доме не будет, и он сможет поработать в саду в утренней прохладе, а потом решить, как провести остаток дня до четырех.

Но утренняя прохлада оказалась не такой уж и прохладной: ему уже стало совсем жарко, стоило только пройти несколько кварталов до дома. Не дойдя до дома, он решил, что зря надел джинсы вместо шорт, и, развернувшись на каблуках, направился обратно к дому миссис Фигг. Она просила не возвращаться до четырех, но ее там не будет, рассудил он. Она никогда не узнает.

Он вошел в дом и тут же замер: со второго этажа в прихожую доносилась музыка. Кто-то вломился в дом! подумал он. Чтобы послушать радио? рационально ответил его мозг. Он опустил зонтик, который взял с вешалки у входной двери. Он вел себя нелепо. Скорее всего, это был радиоприемник с часами. Миссис Фигг, должно быть, забыла, что поставила его на это время. Или кто-то из котов наступил на кнопку "вкл". Оранжевый полосатый кот снова пытался тереться о его ноги; Гарри уже успел определить его как "приветственного", но на этот раз он его проигнорировал.

Всё ещё неся зонтик, поднимаясь по лестнице навстречу музыке, но уже скорее как закрытый зонтик, а не как боевое орудие, он понял, что музыка доносится из одной из запретных комнат. Что же мне теперь делать? спросил он, морщась. В конце концов он пришел к выводу, что ему следует переодеться в шорты и уйти. Музыка в конце концов прекратится. Не было никакой причины заходить в среднюю комнату - ту, что была гостевой в его доме.

Он заставил себя пойти в швейную комнату и переодеться, чтобы не обращать внимания на музыку, доносящуюся из-за закрытой двери. Но когда он вышел и уже собирался спуститься по лестнице, из-за двери запретной комнаты послышался безошибочно узнаваемый человеческий звук.

"Ой!" - вот и все, что он услышал после приглушенного удара. Кто-то на что-то наткнулся и поранился; в дом проник посторонний. Очевидно, люди действительно занимались взломом и проникновением в дом, чтобы послушать радиоприёмники. Гарри взял зонт в правую руку, собираясь вернуть его на вешалку, но теперь он подошёл к закрытой двери, желая, чтобы это была его палочка, и его сердце громко и больно забилося.

Он уставился на ручку, затем медленно протянул руку и попробовал ее. Она не сдвинулась с места. Дверь была заперта. Он снова медленно убрал руку. Сосредоточься, подумал он. Вы можете это сделать. Он закрыл глаза и направил всю свою энергию на дверь. Это достаточно простое заклинание. Дамблдор обходится без своей Волшебной палочки. Это просто отпирающее заклинание. Он снова открыл глаза и поднял руку в воздух, зависнув примерно в трех дюймах над дверной ручкой. "Алохомора!" - с силой произнес он, впиваясь глазами в дверь.

Это сработало. Дверь распахнулась, медленнее, чем когда он использовал палочку для того же заклинания, но всё же распахнулась. Гарри сразу же увидел, кто задел его голень и сказал "ой". Он опустил челюсть, моргая в недоумении. Другой человек был потрясен не меньше, уставившись на него с открытым ртом и потеряв дар речи.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/105837/3766000>